

— Я — человек «того времени», — начал разговор киорежиссер Игорь Гостев.

«То время» — так мы называем сегодня годы, которые, как опрометчиво казалось нам еще год-два тому назад, бесповоротно занесены историей в свой «черный список». Но не так все просто. Ведь «те годы» — это тоже жизнь великого народа, неимоверно трудная, полная несвободы, породившая отвратительную «совковую» психологию, но — и прекрасная, как всякая живая человеческая жизнь. И, как в любой исторический отрезок времени, в «те годы» были попытки подлинного созидания, попытки что-то круто изменить в такой сложной жизни огромной страны. Одной из таких попыток явился и XX съезд коммунистов. У власти уже два года стоял Никита Хрущев...

— Я много раз видел Хрущева в жизни, в приватной, теплой обстановке, — говорит Игорь Гостев. — Хотя близко с ним знаком не был.

Новый фильм Игоря Гостева «Серые волки» воскрешает события той осени 1964 года, когда была резко свернута задуманная Никитой Хрущевым реформа и огромная страна, вздохнувшая было свободно, стянувшись сталинскую диктатуру, снова поползла вниз...

— Как лично вами тогда было воспринято известие о снятии Хрущева?

Игорь Гостев задумывается. — Знаете, никак. Я работал. Был очень занят тогда. Не могу даже сказать, что помню чьи-то бурные реакции на это событие. Это сейчас общество до предела политизировано, а тогда оно ведь не было таким. Да и формулировка, с которой его сняли: «в связи с уходом на пенсию» — не очень насторожила.

Я понял, какая это была глыба, только уже собирая материал для картины «Серые волки». Сценарий мы писали «итальянским способом» — собирались компанией и обсуждали материалы. Драматургически все проработал Владимир Валущий, диалоги написал Валентин Алехнович, основным же автором был Александр Лапшин. Импульсом к созданию фильма послужила публикация в «Огоньке» воспоминаний Сергея Хрущева. Это сын Никиты Сергеевича, крупный ученый-киберне-

ЧЕЛОВЕК «ТОГО ВРЕМЕНИ»

ИГОРЬ ГОСТЕВ И ЕГО НОВЫЙ ФИЛЬМ «СЕРЫЕ ВОЛКИ»

Киульчур. — 1993. — 24 апр. — с. 8.

тик, он сейчас работает по контракту в Америке. Из его рук, а также из предоставленных им еще не опубликованных мемуаров отца мы получили массу ценнейших документальных свидетельств. А название — знаете, как оно родилось? Это ведь почти анекдотично. Мы когда-то с Вадимом Труниным собирались писать сценарий о покушении турецкой мафии на римского папу. Организация, готовившая покушение, называлась «Серые волки». Но сценарий не получился, а когда я подумал о фильме, раскрывающем детали заговора против Хрущева, то вспомнил: «Серые волки»!

— Стало быть, все «увиденное на экране имело место в действительности!

— Да. Ну, мы заменили какие-то фамилии — правда, очень немногие. Но абсолютное большинство фактов имело место в действительности. При этом я хочу подчеркнуть, что мы ни в коем случае не претендовали на строгую документальность — нет, мы всего лишь изложили свою, авторскую концепцию событий.

— Начинали вы как документалист...

— Не просто как документалист. В 1945 году я вернулся с фронта, был там ранен. Вылечившись, я пришел поступать во ВГИК — просто потому, что туда поступал мой школьный друг. Я поступил тогда на экономический факультет и окончив его, был направлен на «Союздетфильм» — так тогда называлась нынешняя Студия имени Горького. Потом «Союздетфильм» ликвидировали, а меня перевели на работу в группу специальных съемок. Это была группа операторов, снимавших закрытую правительственную тематику. Я проработал там четырнадцать лет. Снимали мы все — от первых испытаний атомной и водородной бомб в 1948 году до полета в космос Юрия Гагарина. По долгу службы мне приходилось быть в курсе многого того, до чего не была допущена даже кури-

ровавшая нас непосредственно Екатерина Фурцева. Консультировали нас такие крупные ученые, как Курчатов, Сахаров, Векслер, Харитон... Это была прекрасная школа для меня, и сегодня, когда меня спрашивают о моих истоках как художника, я всегда отвечаю, что вышел из документалистики.

— И все-таки настал день, когда вы решили попробовать свои силы в игровом кинематографе.

— А меня он всегда интересовал. Потому-то я и пошел снова учиться во ВГИК — на сей раз на режиссерский факультет, к А. Б. Столперу. Конечно, я уже знал многие секреты режиссуры. Но мне хотелось пройти хорошую школу...

— Но документалистикой вы ведь с тех пор не занимались.

— Ну, как я сейчас понимаю, для моего ухода была еще одна причина. Всю нашу работу операторов объединения курировала хорошо известная организация. Не могу сказать, что это меня сильно огорчало, но и совсем уж не радовало. И вот однажды, помню, снимали мы испытания атомной бомбы на Новой Земле. Это было страшно. Я хотел было снять председателя Госкомитета по испытаниям, А он не захотел! И объяснил: «Я не хочу через несколько лет предстать перед трибуналом в Нюрнбергском процессе». После этого что-то во мне надломилось. Я понял, что не могу больше этим заниматься. Но уйти на «использование атомной энергии в мирных целях» было не так-то просто — я, как говорится, слишком много знал. Уехал в Ленинград, писал там сценарии. Там мне дали работу — на фильме Михаила Ершова «Родная кровь», потом я снял по своему сценарию детектив «Меченый атом».

— Но если судить по вашим следующим фильмам, вас очень привлекала военная тема!

— Совершенно верно. Мне больше всего хотелось снять что-нибудь о войне. Но до

трилогии о войне я снял еще около десяти игровых короткометражек, некоторые получили призы на фестивале короткометражных фильмов в Загребе, работал вторым режиссером. Потом мне передали постановку, от которой отказался другой режиссер. Это была экранизация книги Семёна Цвигуна «Мы вернемся». Сценарий мне резко не понравился. Я набрался мужества и сказал: хочу поговорить с автором! Мне эту встречу устроили, я принес Цвигуну свои сценарные разработки и честно сказал, что книга мне нравится, а сценарий нет и я хотел бы быть поближе к книге. Цвигун со мной согласился...

— Но сценарий всей трилогии писал ведь не он!

— Нет. Сценарий всех трех фильмов — «Фронт без флангов», «Фронт за линией фронта» и «Фронт в тылу врага» — писал Вадим Трунин. Цвигун, кстати, был против создания и второго, и третьего фильмов — он считал, что нужно остановиться на истории 41-го года, на истории окружения. Собственно, первая картина, помоему, на самом деле лучшая. Она получила главный приз на кинофестивале в Дели. Хотя за всю трилогию я получил много призов здесь, в России...

— И затем — вызывавшие споры политические картины... на современные темы — «Европейская история» и «Загон» — и вдруг... «Беспредел»!

— «Беспредел» — это был качественно иной вариант, как бы прорыв в иную проблематику. Нам со сценаристом Л. Никитинским очень помог Вадим Бакатин, он занимал тогда пост министра внутренних дел. Благодаря его разрешению мы объездили около двадцати лагерей в разных концах страны, познакомились с жизнью «эзков» как следует.

— Это было продиктовано вашим пристрастием к документальности!

— А это пристрастие у меня было всегда. Я вообще очень люблю острый материал на

документальной основе. Так ведь сделаны и «Серые волки» — основа целиком связана с реальными событиями.

— И тем не менее «Серые волки» — это чисто художественная картина. В ней нет ни одного документального кадра. Почему?

— Мне многие советовали ввести в фильм документальные кадры. Я не стал этого делать, меня интересовала не реакция народа, а трагедия крупного политического деятеля, которого все предали. А документальные кадры увели бы меня в сторону от задачи, от концепции.

— Как вам работало с Романом Быковым?

— Прекрасно! Я долго не мог уговорить его сниматься, а сначала долго не мог сам решиться. Когда я сказал ему, что хочу его попробовать на Хрущева, он сказал: ты сошел с ума! Ведь за Быковым тянется репутация Айболита, мастера детского кинематографа. Исторических личностей он, за исключением гротесковой роли в фильме Сергея Овчарова «Оно», никогда не играл. Я сказал ему: ты можешь не быть похожим на Хрущева, но не будь Быковым! А сейчас я думаю, что в моем фильме он сыграл одну из лучших своих ролей. Я вообще очень люблю снимать хороших актеров и делаю ставку не на одного героя, а на актерский ансамбль. Между прочим, для Александра Белянского мое предложение сыграть Брежнева было такой же неожиданностью. А по-моему, сыграл он превосходно. Мы привыкли видеть Брежнева старым марзматином. А он таким был только в последние годы. В 1964 году это был молодой, полный сил мужик. Таким его и надо было играть...

— В фильме намеренно не просматривается моральное отношение к происходящему?

— Я никого не осуждаю. Принципиально. Тот же Леонид Ильич — я никогда не поставлю его рядом с Хрущевым, он

куда мельче, но и тут упорно щать нельзя. Он же по-настоящему воевал, по-настоящему военный человек. А руководить при Сталине такой областью, как Днепропетровская, — это значило ходить по острю ножом. А потом взял да и всех обыграл...

— А могли бы вы рассказать поподробнее, что вы думаете о Хрущеве?

— Говорю вам, это был великий реформатор. В отличие от всех остальных он старался облегчить жизнь народа. Сейчас мы все позабыли, что он сократил армию на два миллиона человек, чтобы перекинуть эти деньги на сельское хозяйство, что он отменил льготы партаппаратчикам, хотел разогнать весь партаппарат. Скольких врагов себе нажил! Все они возле него сидели как на углях. Все боялись. Это был человек-ртуть. А Карибский кризис! Ведь мир был на грани войны. Представьте себе, что бы на его месте натворил Брежнев! До сих пор ругаем «хрущобы» — да, плохонькие квартирники, плохонькие домишки, но ведь все-таки лучше, чем ютиться в подвалах общежитий! А это сделал он, Хрущев. Но самая главная его заслуга — это, конечно, XX съезд, освобождение миллионов. А сейчас всё это заслоняется тем, что он не любил интеллигенцию, разогнал выставку в Манеже. Кстати, под конец жизни он как бы просветлился, принимал у себя на даче Евтушенко, Вознесенского, Неизвестного. Кстати, памятник Неизвестного на могиле Хрущева — это, по-моему, художественно точно воспроизведенный его облик.

Видите ли, мы судим с позиций своего времени и многого не видим. Впрочем, история всегда субъективна...

— И последний вопрос. Довольны ли вы своей судьбой?

— Да. Я очень рад, что мне присвоено звание народного артиста России. Я знаю, что есть люди, которые говорят, что звания им не нужны, им хватает их имени, но почему-то они сразу умолкают, как только это звание получают... Я очень рад, что картину «Серые волки» будут показывать на майском кинофестивале в Каннах. Это моя двадцатая картина, и у меня снова много творческих планов...

Беседу вел
Д. САВОСИН.